

УДК 340.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ПРАВОВОЙ НАУКИ

В. Н. Матарас

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы разграничения философии и правовой науки. Анализируется соотношение научного и философского мировоззрения, параметры разграничения философии и правовой науки в исследовании реальной системы правопорядка.*

***Ключевые слова:** философия, научное мировоззрение, латентные нормы, реальный правопорядок, правовая наука.*

***Annotation.** The problems of differentiation of philosophy and legal science are considered. The correlation of scientific and philosophical worldviews, the parameters of the differentiation of philosophy and legal science in the study of the real system of law and order are analyzed.*

***Keywords:** philosophy, scientific worldview, latent norms, real law and order, legal science.*

Интерес к теме соотношения и разграничения философии и правовой науки наблюдается во многих научных изысканиях, касающихся данной проблемы. При научном исследовании системы правопорядка всегда присутствует наблюдаемая формальная система норм права, где самое простое для правоведа — исследовать их филологическим способом. Результатом такого научного исследования системы правопорядка является неизбежная формализация сложной реальности и сведение ее к упрощенному анализу правопорядка.

Система правопорядка в реальности — сложное и многогранное явление с различными уровнями масштаба. С одной стороны, это система открытого типа, в идеале жесткая и статичная, сфера создания формальной системы норм. Это стабилизирующая и стремящаяся к статике нормативная система, созданная правящей группой с целью кристаллизации определенной (для данного времени) системы правобязанностей.

С другой стороны, в качестве источника правовых установок она имеет этническую латентную нормативную систему, основанную на этнических стереотипах поведения и императивах ведущего слоя, которые отражают состояние коллектива для данной стадии жизнедеятельности. При правовом исследовании мы видим социально-формализованную систему правовых норм, но не улавливаем часть отношений этнически живого потока и сложных динамических процессов правопорядка. Чтобы изучить данную систему правопорядка,

мы чаще исследуем позитивные нормы, «видим в данном феномене формальный аспект правопорядка и его правовой системы, но чаще наблюдаем только часть параметров системы правопорядка и не учитываем системные связи в правовом поле этнической системы, которые, как известно, составляют основу любого феномена, особенно при его динамических процессах трансформации» [1, с. 355].

В живом потоке этнической системы норм и рационально создаваемой формальной системы норм присутствуют закономерности малого и большого масштаба. Это всегда процесс, где присутствуют латентные нормы, которые формально не проявлены и подсознательно воспринимаемы как естественные, — они не всегда осознаваемы коллективом, где часть из них всегда обдумана и закреплена позитивной системой норм. При исследовании такого сложного феномена результат всегда будет иметь некоторые разбежки в пределах допуска, и если система динамичная, то будет всегда наблюдаться временное состояние параметров для данной системы правопорядка.

Когда утверждают, что «политико-правовые проблемы освещались на подлинно философском уровне» [2, с. 21], возникают вопросы: а была ли там научная составляющая? насколько высок «уровень теоретического мышления и подлинно философского обобщения»? [2, с. 21]. Указанное утверждение предполагает только философское теоретизирование или научное обобщение? Дело в том, что философский уровень не всегда направлен на научный поиск в исследовании реальных причинно-следственных связей при анализе того или иного правового феномена.

А если правовая наука переходит от философов к юристам [2, с. 21], означает ли это, что юристы выделяют в своих работах научную сферу, а не занимаются все той же философией в силу переноса понятий-слов и терминов в чуждую ей научную среду. Чаще всего правовая наука заимствует модные абстрактные понятия и термины из социологии, психологии или философии, не разграничивая понятия-формы и понятия-содержания, что для правовой науки произвольно приводит к потере содержательного начала. То есть она так и остается философией умозаключений, не перейдя грань между философией и правовой наукой. «Призрачность философских построений всегда будет проявляться в науке, если ученые связывают свои построения вне действительности», — утверждал В. И. Вернадский [3, с. 71].

Философия не исследует реально функционирующий правопорядок и процессы правогенеза, она их пронизывает и потенциально расширяет диапазон исследования, способствует проверке через научные параметры. При этом бесспорно, что резкой грани между философией и правовой наукой не может быть

[2, с. 27]. Эта грань всегда тонкая и вариативная с переходами, соответствующими для данного состояния правовой науки.

Фундаментальная особенность состоит в том, что «философия специфически теоретическими средствами (и это обстоятельство определяет ее глубокую общность с наукой) выполняет мировоззренческую функцию» [4, с. 102], но не способна в силу своего уровня дать научно-содержательную эмпирическую модель. Поэтому все ее построения являются только приближениями по отношению к реальным явлениям [4, с. 193]. В результате правоведа смотрят на объект через призму философских мировоззрений и, естественно, приходят к принципиально противоположным результатам в понимании и объяснении системы правопорядка.

В философии всегда превалирует попытка выразить себя, а более широкая база теоретизирования приводит к неопределенности в трактовках эмпирических фактов, а следовательно, к отрыву от реальных процессов системы правопорядка. Поэтому мировоззрение философии крайне мало отражает реальные связи и закономерности правогенеза. В силу отсутствия жесткой связи с реальным явлением системы правопорядка она всегда более субъективна в своих трактовках. В ней всегда доминируют мировоззренческие приоритеты самой личности или его школы, так как философские представления «основаны на анализе общих понятий, которые далеко не всегда охватывают целиком лежащие в основе их научные факты и научные эмпирические обобщения» [5, с. 173].

Правовая наука способна анализировать причинно-следственные связи даже на высокой границе эмпирического обобщения и поэтому в зависимости от феномена исследования там обязана присутствовать пусть даже опосредованная связь между элементами любого правового явления. А субъективизм правоведа должен всегда иметь интерпретацию в границах допуска, где в основании находится эмпирический факт или обобщение, и на них основывать свои научные выводы. Даже если гипотеза создана в контексте философии, методом перепроверки будет устанавливаться конгруэнтная связь данного понятия с реальным функционированием в системе правопорядка.

Поэтому ученый, стремящийся к объективному пониманию системы реального правопорядка, не может удовлетвориться исследованием только логических свойств юридических норм: когда юристы говорят об объективном праве, «они мыслят не только логическую форму нормативных суждений, они мыслят вместе с тем и тот чисто реальный правопорядок, который юридическими нормами устанавливается и регулируется» [6, с. 62].

При научном исследовании научное мировоззрение выступает как сложный синтез знаний предельно эмпирически конкретных и знаний

эмпирического обобщения, но всегда обращенных к реально действующей системе правопорядка. Здесь есть низшая и высшая точка в наибольшей степени эмпирического обобщения, где даже верхняя точка правопорядка высокой степени масштаба может быть аргументирована в причинно-следственной связи через эмпирические факты и обобщения.

Как только переход осуществляется от одного эмпирического факта к другому не умозрительно, а фактически, подвергая анализу реальные связи между элементами правового явления, в достаточной степени проявляется основание для проявления эмпирического факта и научного вывода. Проблема найти ту тонкую вариативную грань перехода из философии в научную составляющую, где первая грань этого потенциального преодоления, стоит на пути из философии в науку, это переход из философского мировоззрения в научное.

Научное мировоззрение предполагает, что философию мы держим в уме как постоянное сопровождение научного исследования и, исследуя реальную систему правогенеза в правовой системе, видим проявляющиеся в эмпирических фактах и эмпирических обобщениях параметры того или иного правопорядка различного уровня масштаба. Обращение к правовой науке как бы пронизывает все исследование правопорядка научным мировоззрением.

В векторе направления на правовую науку постоянно присутствуют проверки и перепроверки на параметр научности, происходящие в силу трансформаций правопорядка и его правовой системы. Реальный правопорядок аксиоматично связан со своими реальными параметрами состояния, где обращение к его процессам способствует выработке научной составляющей среди всех проявляющихся научных фактов. При исследовании остаются только те, которые исходят из эмпирических параметров реального положения системы правопорядка, а все, даже косвенно не коррелирующее с ним, должно быть отграничено и отброшено.

При различной длительности динамических процессов правопорядка во времени сферы философии и науки находятся в различном объеме связи между собой. Всегда присутствует разброс релевантного и нерелевантного знания, когда даже через эмпирическое обобщение высокого масштаба мы видим объективные динамические процессы правогенеза. Ценным для научного исследования является только то, что схватывается правоведом-ученым для данного времени, и его выводы связаны конгруэнтно с реальными процессами правогенеза.

Философское понятие-слово остается таковым до момента перевода этого понятия в научное мировоззрение. Когда не связанное и не коррелирующее с эмпирическими фактами явление наполняется иным содержательным материалом, тогда согласующееся с эмпирическими фактами, оно отвечает основным

параметрам научного исследования. В научном мировоззрении философия остается только источником философских гипотез с целью их перепроверки.

Включение научного мировоззрения есть постоянное преодоление умозрительной границы перехода от гипотез и прогнозирования философии в систему понятия-предмета с сужением или расширением границы исследования. Соответственно, этот поворот исследования от философской к правовой науке приводит к исследованию определенной реальности правового явления, сфокусированного для динамических процессов правопорядка.

Когда устанавливается алгоритм правовой нормы, мы предполагаем ее функциональную составляющую. Если норма осуществляет алгоритмизацию правообязанностей, она схватывает, пусть с определенным упрощением, реальную систему правоотношений. Это создает юридический факт, приближенный к эмпирическому факту, т. е. научно выводимому факту.

Но как только система правообязанностей изменилась в части или в целом и формальная норма не осуществляет алгоритм требуемого поведения, она (норма) теряет исходную составляющую и переходит в сферу истории науки или превращается в части или в целом в абстрактный алгоритм и требует поднастройки. Возникает недопустимая разбежка между юридическим и эмпирическим фактом, который научный работник не может использовать без перепроверки.

Эмпирические факты и юридические факты, исходящие из реального времени, имеют функциональные сферы пересечения, а отслоенные от юридических текстов, они имеют свою внутреннюю логику, где выход на научный факт и обобщение представляет основную исследовательскую задачу.

И почему исследователь должен брать за основу одну из философских школ, заранее загоня себя в угол определенной гипотетической субъективной мировоззренческой установки, не совпадающей с научными параметрами? Эти школы одновременно многолики и мало связаны между собой, а чаще всего в силу большого объема субъективизма противоречат друг другу. Когда мы как базис философского исследования употребляем понятия «классика или пост-классика» [7, с. 3], то попадаем в ложную систему философских мировоззренческих координат, органически не связанную с данной системой объективного правопорядка. В зависимости от того, к какой философской школе правовед принадлежит и какое философское мировоззрение он исповедует, и формируются субъектно-личностные особенности его взглядов на правовые установки, что по формуле М. Лютера означает: «Во что веруешь, то и имеешь».

1. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М. : Танаис ДИ-ДИК, 1998. 592 с. [Вернуться к статье](#)

2. Жуков В. Н. Философия права (теоретико-методологический аспект) // Государство и право. 2009. № 3. С. 21–31. [Вернуться к статье](#)
3. Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М. : Наука, 2000. 503 с. [Вернуться к статье](#)
4. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М. : Эдиторал УРСС, 1997. 441 с. [Вернуться к статье](#)
5. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 271 с. [Вернуться к статье](#)
6. Алексеев Н. Н. Общее учение о праве : курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 г. Симферополь : Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. 160 с. [Вернуться к статье](#)
7. Постклассическая онтология права : моногр. / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016. 688 с. [Вернуться к статье](#)